

Ю.Л. Михайлова
Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

Балтийский вопрос в российской прессе и публицистике накануне и во время Франко-прусской войны (вторая половина 1860-х — 1871 г.)

Вопрос о положении Прибалтийских губерний в составе Российской империи в 60–70-х гг. XIX века занимал важное место в обсуждении методов национальной политики. Это было обусловлено несколькими причинами.

Одной из главных было сохранение особого социально-правового положения края, где реальная власть была сосредоточена в руках привилегированной социальной верхушки — прибалтийского немецкого дворянства. Для современников были очевидны несоответствия прежде всего правового характера: Прибалтийские губернии управлялись на основе собственного свода законов¹, в городах сохранялась цеховая система, принципы безземельного освобождения крестьян в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии 1816–19 гг. резко отличались от реформы 19 февраля 1861 года, в делопроизводстве господствовал немецкий язык и пр. В период реформ Александра II попытки преобразовать социально-политическое устройство края наталкивались на сопротивление местного дворянства и т.н. «остзейского» лобби при дворе Александра II.

Немецкая знать, составлявшая в Прибалтике феодальную элиту, для утверждения своих особых прав апеллировала к условиям Ништадтского мира, по которому Петр I закрепил все привилегии немецких помещиков и подтвердил превосходство немецкого элемента в Прибалтике. Прибалтийский край не затронули либеральные реформы Александра II, в частности, не были проведены судебная и земская реформы по образцу остальных российских губерний. Эти и многие другие вопросы и составили весь комплекс балтийской тематики на страницах русских газет.

Побудительным мотивом к началу обсуждения этой темы стало также восстание в Польше 1863 года. Событие это получило большой резонанс в русском обществе и однозначно трактовалось националистическими кругами: польское восстание показало опасность местного сепаратизма и необходимость установления твердой государственной власти в национальных окраинах.

В обсуждении т.н. «остзейского»² вопроса принимали участие различные печатные издания. Используя самую общую классификацию, можно выделить два основных направления — сторонников и противников прибалтийского порядка.

Юлия Леонидовна Михайлова, аспирантка ИВИ РАН (г. Москва), мл. научн. сотр. центра «Северная Европа: архивные и исследовательские проекты» ИВИ РАН. E-mail: michailova@list.ru.

¹ Свод местных узаконений губерний остзейских, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Часть 1. Учреждения. СПб., 1845.

² Слово происходит от нем. «Ostsee» — Балтийское море. Слово «остзеец» можно трактовать по-разному: прибалтиец, немец, сторонник «остзейского режима». В рассматриваемый период термин приобретает отрицательное значение. Публицист В. Иванов в «Кронштадтском вестнике» писал: «Не следовало ли бы употреблять название «остзеец» лишь для людей, всеми силами стремящихся к сохранению средневековых предрассудков?» (1863, №115, 9 октября. С. 458).

Первое направление было представлено прежде прибалтийской немецкой прессой и публицистикой: газетами «Rigische Zeitung», «Revalsche Zeitung» «Baltische Monatsschrift», публицистическими работами представителей немецкого дворянства в Прибалтике — К. Ширреном³, В. ф. Боком⁴, Ю. Экхардтом⁵ и др. Остзейская пресса в свою очередь была представлена различными направлениями — так, позиция либерального журнала «Baltische Monatsschrift» в конце 1850-х и начале 1860-х гг. по вопросу о реформах в крае — прежде всего крестьянской, судебной и земской — была наиболее радикальной, в отличие от «Revalsche Zeitung», на страницах которой необходимость коренных реформ отрицалась. Это незначительное различие не стало помехой к объединению двух направлений, которое произошло в период накала в обсуждении всего комплекса остзейского вопроса в середине 60-х гг. По словам Ф. Бинемана, одного из позднейших редакторов «Baltische Monatsschrift», критика со стороны русской прессы и публицистики особого прибалтийского порядка заставила «немецких либералов Прибалтики соединить принципы либерализма с консервативной политикой»⁶. Это единство при кажущихся различиях являлось публичным выражением часто меняющейся тактики при остававшейся неизменной стратегии местных властей в Прибалтийских губерниях — политика управления краем представляла собой поиск минимального варианта преобразований и сохранения в максимальной степени господствующих позиций⁷. Это касалось прежде всего вопросов о проведении крестьянской реформы, направленной на создание института крестьянской поземельной собственности, введения русского языка в делопроизводство, отмены цеховой системы в городах. И для традиционного, защищавшего остзейскую модель направления, и для т.н. либерального крыла было характерно стремление обосновать существование основ сложившихся отношений, не допустить коренного их изменения. Различными были методы, при помощи которых публицисты предлагали достичь этой цели — путем самостоятельно инициированных, не навязанных центром реформ, или без них. Защита остзейских привилегий была представлена и на страницах русской прессы. Ведущая роль здесь принадлежала газете «Весть», выступавшей от имени дворянства и охранявшей его интересы.

Антиостзейское направление в прессе было представлено прежде в «Московских ведомостях» М.Н. Каткова, «Дне», «Москве», «Москвиче» И.С. Аксакова, «Рижском Вестнике» Е.В. Чешихина. Важную роль в обсуждении остзейского вопроса играла и российская публицистика второй половины XIX века. Руководящие позиции здесь занимали славянофилы М.П. Погодин⁸, М.Н. Харузин⁹, Ю.Ф. Самарин¹⁰, автор многотомного труда «Окраины России», который активно поддерживал «Московские ведомости» и «Москву» в своих публицистических работах.

Работы славянофилов были объединены одной задачей: доказать неправомочность остзейских привилегий и опровергнуть законность «особого порядка» в Остзейском крае. В целом славянофильская публицистика поддерживает московские газеты («старорусскую партию»), уделяя большое внимание немецкому сепаратизму, привилегиям остзейского дворянства и бесправному положению крестьянства в Прибалтике.

³ Schirren C. v. Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869.

⁴ Bock W. v. Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee. Zukünftiges, geschaut im Bilde der Vergangenheit und der Gegenwart. Leipzig, 1869; Livländische Beiträge. Leipzig, 1867–71.

⁵ Ekhardt J. Die Baltischen Provinzen Russlands. Politische und kulturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig, 1868.

⁶ Baltische Monatsschrift. 1884. Bd. 31. S. 608.

⁷ Политику остзейского дворянства в крае рассматривал М.М. Духанов. См. его работы: Остзейское дворянство и закон 9 июля 1863 года // Ученые записки ЛатГУ, 1973. Т. 185. С. 65–79; Остзейцы. О роли немецких помещиков и бюргеров в исторических судьбах латышского и эстонского народов в середине XIX века. Рига, 1970; Прибалтийское дворянство, царизм и реформы. 50–60-е гг. XIX в. // Германия и Прибалтика. Рига, 1988. С. 24–33.

⁸ Погодин М.П. Остзейский вопрос. Письмо к профессору К. Ширрену. М., 1869.

⁹ Харузин М.Н. Балтийская конституция. Историко-юридический очерк. М., 1888.

¹⁰ Самарин Ю.Ф. Русское Балтийское Поморье в настоящую минуту // Окраины России. Вып. 1. Прага, 1868; Его же. Православные латыши // Окраины России. Вып. 3. Берлин, 1871; Его же. Крестьянский вопрос в Лифляндии // Окраины России. Вып. 6. Берлин, 1876.

Таким образом, главными противниками остзейцев стали именно славянофилы и М.Н. Катков, занимавшие по данному вопросу сходные позиции и выступавшие против балтийских немцев единым фронтом. Какова причина такого тесного содружества и нелюбви к представителям дворянской знати в Прибалтике?

Для того чтобы верно определить ее, необходимо обратиться к самой сути остзейской проблемы, поднятой российскими публицистами и журналистами. Все те многочисленные вопросы, связанные с социальным и политическим положением немцев и коренного населения Прибалтики, которые обсуждались на страницах русских газет, являлись для славянофилов и М.Н. Каткова лишь преломлением одной и самой важной проблемы — проблемы немецкого сепаратизма в Остзейских губерниях, ибо все немецкие привилегии означали не что иное, как нежелание признавать и подчиняться законам Российской империи.

Наряду с печатными органами И.С. Аксакова и М.Н. Каткова в полемике принимала участие и столичная пресса — «Голос» А.А. Краевского, «Русский инвалид» Д.А. Милютина, «Санкт-Петербургские ведомости» В.Ф. Корша и некоторые другие. На фоне проводимых в 60-х гг. реформ и меняющейся международной ситуации в связи с объединением Германии в русской прессе выявляются различия в отношении к статусу Прибалтийских губерний и немецкому дворянству.

* * *

Франко-прусская война стала своеобразной вехой в истории остзейского вопроса. Немаловажную роль сыграло объединение Германии, которое сказалось и на отношении к Прибалтийским провинциям различных слоев российского общества. Для верного понимания этой проблемы обратимся к оценкам начавшихся объединительных процессов в Германии, Франко-прусской войны и ее возможного влияния на положение Прибалтийского края в составе России, которые давались русскими газетами.

Остзейский вопрос, как было отмечено выше, становится широко обсуждаемой темой в середине 1860-х гг. Помимо внутренних причин (польское восстание, либеральные реформы) свою роль играют и внешнеполитические процессы — прежде всего начавшееся объединение Германии, Австро-прусская и Франко-прусская войны. «Московские ведомости» и славянофильская пресса посвящали последней передовые статьи, а также иностранные обозрения. В «Современной летописи», еженедельном приложении к «Московским ведомостям», велось самое подробное изложение военных событий с комментариями. Лично Каткова, который уже давно проповедовал опасность прусской политики в Европе, более всего интересовала во время войны проблема возвышения Германии¹¹. В этой связи особое внимание уделяется остзейской проблеме в свете восточной политики Пруссии. Катков приветствовал решение правительства о нейтралитете в войне, и сам занял профранцузскую позицию. «Голос» Краевского придерживался сходной с «Московскими ведомостями» позиции: Россия прямо заинтересована в том, чтобы победила Франция. «Голос» выступал против прусского господства в Европе. Решение правительства придерживаться нейтралитета вызвало на страницах «Голоса» полное одобрение¹². За соблюдение строгого нейтралитета выступал и Е.В. Чешихин, редактор «Рижской газеты»¹³.

Немецкая балтийская пресса, напротив, с одобрением встречала победы прусского оружия и не скрывала ориентации на Германию, объединенную под властью Бисмарка. Это было очевидно, поскольку Бисмарк и дворян Прибалтийских губерний издавна связывали тесные и многообразные контакты. В бытность Бисмарка послом в Петербурге (1859–1862) его дом был местом встреч «милейших кур-, лиф-, и эстляндцев», как называла прибалтийских дворян супруга посла¹⁴. «Rigasche Zeitung» осудила «Голос» за то, что на страницах газеты печатались профранцузские статьи¹⁵.

¹¹ См. об этом: *Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. С. 182.

¹² Голос. 1867. №229. 29 октября.

¹³ Рижский вестник. 1870. №147. 6 июля; №150. 9 июля.

¹⁴ *Духанов М.М.* Остзейцы. Политика остзейского дворянства... С. 442.

¹⁵ Rigasche Zeitung. 1870. №154.

В этой связи в газетах И.С. Аксакова и М.Н. Каткова уже с середины 1860-х гг. активно обсуждаются не только внутренние противоречия в Остзейских провинциях, но и вероятная возможность отчуждения этого края в пользу усиливающейся Германии. Политика местного дворянства во всех ее аспектах, а главное — стремление онемечить латышей и эстов — воспринимается как политическая интрига и измена¹⁶. В связи с усилившейся тенденцией германизировать коренное крестьянское население политика по отношению к краю однозначно трактуется на страницах «Московских ведомостей»: «Балтийскому краю предстоят два исхода: либо германизация, либо обрусение... Среднего не может быть, потому что поддержание статус-кво сделалось невозможным после того, как сами сословия сочли нужным, повинувшись голосу времени, вступить на путь реформ. Германизаторы хотят этим воспользоваться, надеясь придать реформам направление, отчуждающее край от основной России»¹⁷. Уже в 1864–1865 гг. остзейский особый порядок воспринимается как политический сепаратизм, тяготение к Пруссии¹⁸. Так же как тревожное направление трактуется факт ориентации остзейцев на немецкую прессу, в частности, на «Ostsee Zeitung»: «Немец, хитрый на выдумки, придумал апеллировать к общественному мнению и национальному чувству Германии... придумал сделать германскую журналистику орудием гласности в этом домашнем нашем споре»¹⁹.

Немецкая пресса живо реагировала на сообщения остзейских газет и проводимую по отношению к Прибалтийским губерниям политику. В «Москве» приводились выдержки их немецкой «Bank und Handelszeitung» по поводу публикации эдикта о введении русского языка в делопроизводство в 1867 году: «Мое перо слишком слабо, чтобы изобразить всеобщее изумление и негодование немецкого населения, невозможно представить себе то общее смятение, которое произвел на немецкое население провинций указ об изгнании немецкого языка»²⁰. Этот факт воспринимался уже не просто как политический сепаратизм остзейских немцев, но и как попытка Германии вмешаться во внутренние дела России. Что же касается политики германизации Прибалтики, исподволь проводимой немецким дворянством, то в конце 60-х гг. XIX века она воспринимается уже не просто как отчуждение этого края от остальной России, но, по мнению националистов, прямо способствует усилению Пруссии, потенциального военного противника²¹. После того как в немецкой «Bank und Handelszeitung» была высказана мысль, что «терпящие бедствие балтийские немцы» будут «поддержаны не только морально, но и дипломатически», И.С. Аксаков уже открыто обвиняет остзейцев в предательстве государственных интересов России²². В поддержку немецкой балтийской диаспоры благодаря корреспонденциям из Риги, Ревеля, Митавы выходят статьи и на страницах французских газет «Monde», «Opinion Nationale», «Revue des Deux Mondes». Теперь, по мнению И.С. Аксакова, «иностранный журналистика готова признать немецкое дело в наших губерниях — своим и ратовать за него от своего имени»²³. Эта проблема поднималась и Катковым. Среди «самых упорных и злобных противников русской национальной политики» называлась «Kreuzzeitung»²⁴.

В тесной связи с ориентацией на Германию в 1867–1869 гг. три Прибалтийские губернии в оценке М.Н. Каткова, Ю.Ф. Самарина, И.С. Аксакова отождествляются с царством Польским, рассматриваются как еще один возможный источник революционного движения на окраи-

¹⁶ «День». 1864. №115. 25 мая.

¹⁷ Московские ведомости. 1867. №220. 10 октября.

¹⁸ Московские ведомости. 1864. №254. 19 ноября; 1865. №230. 21 октября.

¹⁹ Москва. 1867. №128. 13 сентября.

²⁰ Там же. Множество статей на эту тему вышло в «Rigasche Zeitung», которая в связи с указом о введении русского языка в делопроизводство писала о начавшейся «русификации» Прибалтийского края. См.: Rigasche Zeitung. 1867. №181. 8 August; №197. 26 August; №199–200. 29–30 August; №202. 1 September; №210. 11 September.

²¹ Московские ведомости. 1867. №46. 28 февраля.

²² Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1887. Собрание передовых статей «Москвы». С. 44.

²³ Там же.

²⁴ Московские ведомости. 1868. №139. 26 июня; №183. 22 августа; 1869. №104. 14 мая; №127. 12 июня. Подобные же оценки этому явлению давал и Е.В. Чешихин: Рижский вестник. 1869. №2. 4 января; №15. 25 июня; №99. 10 декабря.

нах. Эта мысль проводится на страницах «Москвы» И.С. Аксаковым²⁵, и Ю.Ф. Самариним²⁶, в «Московских ведомостях»: «Все антинациональные [*т.е. антирусские.* — Ю.М.] партии солидарны между собой и заодно действуют против государства, питающего их в своих недрах. Торжество одной есть торжество для всех»²⁷.

Этот весьма шекотливый вопрос имел общественный резонанс — Бисмарк при всех симпатиях к балтийским немцам признавал, что разгоревшаяся полемика не принесет пользы немецкому населению Балтийского края и ухудшит отношения между двумя странами²⁸.

В этот период в полемике активно участвуют и представители либеральной печати. Отношение славянофилов и Каткова к остзейскому вопросу в связи с началом объединения Германии встречает возражения, которые были изложены в серии статей в «Русском инвалиде» под названием «Справедливы ли толки о сепаратистических стремлениях в Остзейском крае», обращенной прежде всего к «Московским ведомостям», где доказывалось, что остзейская система прав и привилегий является лишь стремлением сохранить местные особенности в рамках Российской государства и, хотя и требует скорейшего реформирования, никоим образом не грозит отпадением этих территорий²⁹. Редактор газеты, Д.А. Милютин неоднократно писал о том, что неверно и некорректно рассматривать проблему различий между Прибалтийским краем и Центральной Россией с точки зрения политического сепаратизма остзейских немцев. Речь в данном случае идет лишь о сословных интересах определенного круга людей (защите феодальных привилегий и только), под которым Милютин подразумевает матрикулованное дворянство. Однако неверно, подчеркивалось в газете, транслировать мнение узкого круга людей на всю общественность, как это подчас подавалось в «Московских ведомостях». При условии, что «Русский инвалид» именно с 1863 года становится серьезной политической силой, и в польском вопросе стоит на весьма жестких позициях, в статьях о Прибалтийском крае Милютин предпочитает несколько дистанцироваться от «Московских ведомостей» Каткова, говорит о том, что нельзя бросать тень подозрения в политической измене на лояльных престолу подданных.

«Санкт-Петербургские ведомости» В.Ф. Корша в период объединения Германии и Франко-прусской войны оказались на стороне тех немногих, кто, солидаризируясь с официальной позицией, высказался за Пруссии. Ее страницы были заполнены сообщениями из Пруссии и других германских государств о воодушевлении и подъеме патриотизма, царивших там³⁰. Сама газета в ходе войны, пытаясь сопоставлять общественное мнение Москвы и провинции, отмечала быстрый рост антинемецких настроений: «...за абсолютное большинство немцев раздаются все менее голосов. В чиновниках вы еще встречаете поклонников графа Бисмарка и его системы, но земцы всякого рода и простой народ если не восхваляют Францию, то громко и искренне ей сочувствуют. В Москве же еще менее пруссофилов, чем в провинции»³¹. «Санкт-Петербургские ведомости» традиционно противостояли московской «старорусской партии» и лично М.Н. Каткову. Остзейский вопрос не составил исключения: позиция М.Н. Каткова признавалась шовинистской, осуждались стремления к русификаторской политике в Остзейском крае, прежде всего в отношении прибалтийских немцев³².

В 1864–1868 гг. Министерство внутренних дел, прежде всего лично П.А. Валуев, обращает внимание на разгоревшиеся страсти вокруг остзейского вопроса. Роль Валуева в управлении Прибалтийскими провинциями была весьма велика³³. Его мать была по происхождению прибалтийской немкой (урожденная фон Бринкен), поэтому балтийский вопрос имел для будуще-

²⁵ Аксаков И.С. ПСС. Т. 6. М., 1887. Собрание передовых статей «Москвы». С. 92.

²⁶ Москва. 1868. 25 сентября.

²⁷ Московские ведомости. 1869. №147. 5 июля.

²⁸ Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства... С. 443.

²⁹ Русский инвалид. 1864. №211. 24 сентября; №238. 28 октября.

³⁰ Обаленская С.В. Указ. соч. С. 221.

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1871. №42.

³² Санкт-Петербургские ведомости. 1870. №38.

³³ В историографии неоднозначно оценивалась деятельность Валуева на поприще управления Прибалтийским краем. Так, немецкий историк Г. Штегман давал положительную оценку его «рассудительной» и «примирительной» политике лавирования между крайними националистическими воз-

го министра внутренних дел и личное значение. Он был хорошо знаком с местной спецификой и условиями развития Прибалтийских губерний и придерживался либеральной точки зрения на развитие губерний, за что пользовался уважением в среде остзейского дворянства как «человек, знающий край»³⁴. Его взгляды изложены как в публицистике, так и в некоторых официальных документах. Валуев принимал личное участие в полемике по остзейскому вопросу, высказывал свое мнение о том, каким образом должны быть реформированы социальные институты губерний. В этой связи феномен управления Остзейским краем посредством личных связей местных властей с Министерством внутренних дел имел большое значение для сохранения местных особенностей края. При этом признавалась необходимость провести реформы, однако подчеркивалось, что «историческое развитие Ревеля и Риги не может быть отождествляемо с историческим развитием Костромы»³⁵. Взгляды министра внутренних дел на один из важнейших вопросов внутренней политики России были выстроены в программу действий, которая декларировалась в некоторых личных и официальных документах³⁶. Прибалтийская система должна быть реформирована, этого требует современная общественно-политическая ситуация. Валуев осуждает те «признаки обособления», которые начали проявляться во второй половине 1860-х гг. в связи с реакцией прибалтийских немцев на начавшиеся объединительные процессы в Германии³⁷. Это высказывание невольно указывает читателю на то, что признаки эти были выявлены и детально освещены именно в период публичного обсуждения этой темы. Однако план реформирования, выдвигаемый Валуевым, отличается от требований националистической печати. Нельзя допустить сохранения, а тем более расширения провинциальной автономии Прибалтийского края — будущее его «закладывается в окончательном и прочном объединении... с Россией, в развитии в нем коренных начал государственного единства...»³⁸ Комплекс мер, предлагаемых Валуевым, включает такие как укрепление русских начал в крае, распространение русского языка в официальное делопроизводство, укрепление позиций православной церкви, реформирование судебной и городской систем. Однако реформы должны осуществляться постепенно, без нарушения смысла прав, «которые были даны и подтверждаемы балтийским сословиям и корпорациям». Валуев подчеркивает, что стратегия проведения преобразования в Прибалтийском крае должна учитывать местные особенности, которые невозможно отменить в одночасье. Именно поэтому Валуев пользовался уважением в среде прибалтийских немцев как «человек, знающий края и не увлекающийся ни теориями «Московских ведомостей», ни желанием блеснуть русизмом»³⁹. В личной переписке Валу-

зрениями противника остзейских привилегий Ю.Ф. Самарина и яркого поборника автономии и обособленности – К. Ширрена. Валуев – фигура, которая импонирует автору вследствие либерального по отношению к Прибалтийским губерниям курса. См.: Stegman H. Graf P. A. Walujew zur baltischen Frage in der Zeit Alexander II // Baltische Hefte. 1967. Band 13. S. 59–83. P. Мисюнас в своей статье оценивает политику Валуева по отношению к Прибалтийскому краю в сравнении с требованиями славянофилов, в частности Ю.Ф. Самарина, как рациональную русификацию. Под этим термином автор понимает прежде всего желание министра внутренних дел постепенно реформировать систему остзейских привилегий, учитывая существующие традиции, уважая местные обычаи и отвергая любые полицейские меры при проведении земельной, языковой, городской реформ. См.: *Misiunas R.J. The Russian Liberals and the Baltic Lands 1861–1917 // National Movements in the Baltic Countries during the 19th century. Uppsala, 1985. P. 89.* М.М. Духанов, напротив, в целом отрицательно оценивал прибалтийскую политику Валуева, называя ее «ярким примером сочетания консерватизма в общегосударственной политике с решительной поддержкой остзейских дворян». См.: *Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50–70-е годы XIX века и критика ее апологетической историографии. Рига, 1978. С. 42.*

³⁴ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева. Т. 2. М., 1961. С. 73.

³⁵ Северная почта. 1865. №277. 17 декабря.

³⁶ Это прежде всего материалы, собранные в Дневнике П.А. Валуева, а также официальная записка «Балтийский вопрос с правительственной точки зрения», составленная в 1870–1871 гг. и хранящаяся в фонде П.А. Валуева (РГИА. Ф. 908. Оп. 2. №45. Ч. II. Лл. 125–176 об.). Документ частично опубликован в работе С.Г. Исакова Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. Тарту, 1961. С. 178–183.

³⁷ Дневник П.А. Валуева. Т. 2. С. 428.

³⁸ Там же. С. 430.

³⁹ Там же. С. 73.

ев указывал Каткову на неверно взятый тон в обсуждении остзейского вопроса — сравнивать положение Прибалтийского края и Польши недопустимо, особенно после восстания⁴⁰. Это может вызвать цепную реакцию и поколебать авторитет прибалтийского дворянства: «Я требовал от здешней цензуры и требую от московской, чтобы этой полемике был положен предел»⁴¹.

Таким образом, начатый в середине 1860-х гг. спор о проблеме немецкого сепаратизма в Прибалтийском крае обретает остроту в 1867–1869 гг. В условиях изменившейся международной ситуации, в связи с началом объединения Германии внутренняя проблема национальной политики в устах националистов тесно переплетается с политикой внешней и отношениями России и Пруссии. Дальнейшее свое развитие эта тема получает в период обострения международной ситуации в связи с Франко-прусской войной.

Во время Франко-прусской войны круг вопросов, посвященных балтийской тематике, остается прежним. Затрагиваются проблемы русификации Остзейского края, а также необходимость распространить там некоторые реформы по образцу Российской империи, в частности земскую и судебную. Однако все эти вопросы обсуждаются уже с несколько иной позиции, а именно с позиции изменившейся международной ситуации, усилившейся Пруссии, которая объединяет вокруг себя Германию.

Вопрос о необходимости провести реформы является едва ли не основным, ибо промедление в этом деле лишь способствует отчуждению Прибалтики и союзу остзейцев с немцами, с «фатерландом»⁴². В то же время на страницах «Голоса» звучит опасение, что в случае отмены привилегий немецких баронов они обратят свои взоры в сторону Германии в надежде получить помощь и поддержку⁴³. Тем не менее резко критические статьи в адрес устаревшей остзейской системы продолжают выходить в «Московских ведомостях» с завидной регулярностью⁴⁴. Что же касается иностранной, в первую очередь прусской, поддержки остзейцев, то в «Московских ведомостях» особое внимание уделяется немецким газетам «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и «Nordische Presse», которых открыто обвиняют во вмешательстве во внутренние дела России⁴⁵, а также работам немецких публицистов Эрнста ф. Нолькена (за его работу *Russland hat allein noch die Wahl*. Berlin, 1857), Э. Каттнера (за книгу *Preussens Beruf im Osten*. Berlin, 1869), которые, по мысли Каткова, пропагандировали идею присоединения Прибалтийских провинций к Германии, что обеспечит местному дворянству благоприятную политику и выгодные реформы⁴⁶.

Катков в обсуждении вопроса о тяготении остзейцев к «фатерланду» на страницах своих изданий высказывает не только взгляды приверженцев «старорусской партии», но и заручается поддержкой коренного населения Прибалтийских губерний. Так, на страницах «Современной летописи» приводились статьи не только русских журналистов, но и латышей. Тут необходимо упомянуть о связях славянофилов и Каткова с лидерами латышской национальной интеллигенции — Кр. Валдемарсом, Кр. Баронсом, Ю. Алунансом и другими, которые выступали против попыток онемечить латышское население, требовали для латышей равных

⁴⁰ *Мустафин В. М.* Н. Катков и граф П. А. Валуев в их переписке // *Русская старина*. 1916. Июнь. Письмо Валуева Каткову от 11 июня 1864 года. С. 354–355.

⁴¹ Там же. В 1865 году был издан циркуляр №731 от 14 декабря о приостановлении полемики по остзейскому вопросу (См.: Северная почта. 1865. №273); в «Москве» встречаем упоминание о том, что балтийским немцам в 1867 году было запрещено продолжать полемику со «старорусской партией» (Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 42). См. об этом также: *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 2. Ленинград, 1955. С. 448–449, 452–453. Также: С. 555. О циркуляре Главного управления по делам печати от 14 декабря 1865 года «К остзейским цензорам».

⁴² Голос. 1870. №31.

⁴³ Голос. 1870. №24.

⁴⁴ Московские ведомости. 1870. №36. 14 февраля; №37, 15 февраля; №45, 1 марта.

⁴⁵ Московские ведомости. 1870. №81. 17 апреля; 1871. №56. 14 марта.

⁴⁶ Московские ведомости. 1870. №7. 9 января. (Мечтания прусского патриота Каттнера о благотельных реформах в Прибалтийском крае и в Польше под прусским владычеством). №37. 14 февраля. 1871. №25. 30 января. (Феодалное бесправие в Балтийских губерниях). См. также: 1871. №42. 24 февраля.

прав с другими народами, выступали за интенсивное экономическое развитие Прибалтийского края путем создания института крестьянской земельной собственности. Это направление общественной жизни в рассматриваемый период ориентировалось на московскую прессу, заручившись поддержкой Каткова, и получило возможность публиковать свои статьи на страницах «Московских ведомостей», «Москвы», «Современной летописи» и некоторых других изданий. Статьи латышской антиостзейской направленности всегда выходили под псевдонимами «Латыш», «Курияндец-Латыш», «Лифляндец-Латыш». Они также содержали критику остзейских порядков и пытались привлечь внимание русского общества к бесправному положению латышей в Остзейском крае: «Они [*немецкое дворянство*. — Ю.М.] говорят, что нам, латышам и эстам, иметь свое мнение излишне, даже вредно. Они избавили нас от участия в головоломных ландтагских совещаниях; они взяли на себя труд занять все более значительные судебные и административные должности... Их вкус определяет существование и устройство наших школ»⁴⁷. Наряду с проблемой немецкого господства в Прибалтике над коренным населением младолатышами осознается и проблема ориентации остзейцев на Германию: «Есть люди у нас, которые обувают ноги, чтобы двинуться на защиту Рейна, между тем как мы [т.е. латыши. — Ю.М.] должны твердо стоять на берегах «святой реки» Двины (слова писателя А. Кронвальда из латышской газеты «*Baltijas Wehstnesis*» накануне Франко-прусской войны)⁴⁸. В латышской газете «*Majas Viesis*», подконтрольной немецким властям, напротив, выходили пропрусские статьи, говорилось о том, что Франция заслужено терпит поражения в войне⁴⁹. Е.В. Чешихин с возмущением писал о том, что эти статьи написаны с очевидной целью — «не упустить латышей из-под немецкого влияния»⁵⁰.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» методы, используемые Катковым, резко осуждались: «Нельзя не сознаться, что если б им удалось осуществить их национальные вождедения, то вся Россия, а затем и западнославянский мир превратились бы в чудовищно-монолитную массу, построенную на узких религиозных, политических и национальных началах»⁵¹. Стоя на позиции «нового патриотизма», «Санкт-Петербургские ведомости» осуждают желание немедленно ввести в Остзейском крае русский язык в делопроизводство, так как это обстоятельство не изменит существующего положения, но только больше запугает коренное население, не знающее русского языка⁵². Подобное мнение высказывалось и о направлении «Рижского вестника»⁵³. Необходимо отметить, что за резкой критикой в адрес Каткова содержится очень мало встречных предложений. Задача «просвещения масс» в Прибалтике (под массами, вероятно, подразумевается коренное крестьянское население), которую ставят перед собой «Санкт-Петербургские ведомости», по сути, не является четкой позицией и программой действий. Ясно прослеживается лишь неприятие взглядов «московской партии» на остзейский вопрос в целом. Это отмечает газета «Голос», утверждая, что «Санкт-Петербургские ведомости» ввязались в спор, не имея своей программы, а их статьи являются лишь «компильцией различных нелепостей из иностранных газет»⁵⁴.

Пожалуй, наиболее полно позиция петербургской газеты раскрывается лишь в споре об адресе лифляндской знати на имя российского правительства, который был подан в феврале 1870 года в связи с решением Комитета министров вести делопроизводство в губернских правлениях и во всех коронных присутственных местах на русском языке. Адрес вышел за пределы обсуждения этой темы и содержал множество требований по вопросам языка, религии, школы и т.д. Фактически речь шла о попытке дворян заручиться обещанием государя блости незыблемость остзейской автономии⁵⁵. Этот адрес всколыхнул мнение русской, прежде

⁴⁷ Современная летопись. 1870. №34.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Majas Viesis*. 1870. №33-38 (17, 24, 31 августа; 7, 14, 21 сентября); №40-43 (5, 12, 19, 26 октября).

⁵⁰ Рижский вестник. 1870. №248. 6 ноября.

⁵¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1870. №35.

⁵² Санкт-Петербургские ведомости. 1870. №43.

⁵³ Санкт-Петербургские ведомости. 1869. №238.

⁵⁴ Голос. 1870. №69.

⁵⁵ *Духанов М.М.* Остзейцы. Политика остзейского дворянства... С. 203-204.

всего националистически настроенной, общественности и стал причиной длительных споров между русскими и прибалтийскими немецкими публицистами.

«Московские ведомости» писали: «Лифляндские рыцари обнародовали свой адрес в газетах фатерланда: пусть немецкие братья знают, как далеко продвинулось немецкое дело в балтийских провинциях России. Дело решенное: Лифляндия отнюдь не губерния Российской империи; это особое государство, которое находится в федеративных к России отношениях»⁵⁶. Тот факт, что знать остзейских провинций осмелилась подать подобное прошение, связывается с усилением Пруссии, рядом ее предыдущих военных побед, в частности в войне с Австрией: «Вот как в Риге отозвались Кеннигрец и Садовая! До войны 1866 года рыцарство ни которой из трех балтийских губерний не позволяло себе говорить таким языком перед русским престолом»⁵⁷.

Тех же взглядов придерживается и газета «Голос», на страницах которой вышел целый ряд статей, посвященных адресу лифляндского дворянства. Все эти статьи привлекают внимание русской общественности к стремлению балтийской знати к автономии, а в будущем, возможно, к «включению восточного форпоста немецкой культуры в общую рамку общего немецкого отечества»⁵⁸.

В этом споре «Санкт-Петербургские ведомости» уже более конкретно излагают свою точку зрения на остзейский вопрос. Прежде всего, они не видят в подаче лифляндского адреса посягательства на целостность Российского государства⁵⁹. В сепаратизме остзейцев целиком и полностью виновато Российское правительство, которое до сих пор не способно было провести в этом крае необходимые реформы. Остзейский вопрос не имеет и международной подкладки: он «лишен будущности, потому что не имеет за собой народных масс в Остзейском крае [*немецкая знать составляла 1/10 всего населения Прибалтики.* — Ю.М.]»⁶⁰. Что же касается вмешательства Германии в дела России в Прибалтике, то, по мнению «Санкт-Петербургских ведомостей», есть несколько причин, по которым она не будет осуществлять заведомую политику в отношении Остзейского края:

Пуститься на завоевание Остзейских губерний слишком трудное дело для Германии, т.к. за спиной их стоит Россия.

Обладание Балтийским побережьем — небольшая в стратегическом и экономическом планах выгода для Германии.

Германия, даже если завоеует Балтию, не сможет удержать в руках коренное население⁶¹.

По поводу спора с «Санкт-Петербургскими ведомостями» о дальнейшем развитии Прибалтийских губерний Катков писал: «Эта газета с сожалением смотрит на все меры, которые клонятся к тому, чтобы направить балтийские реформы в русском смысле и особенно на введение русского языка в общественных, правительственных и судебных учреждениях»⁶².

Адрес, поданный прибалтийским дворянством, спровоцировал очередной виток обсуждения в русской и немецкой прессе в начале 1871 года в связи с новыми событиями. В январе 1871 года в Санкт-Петербург прибыла делегация с 52 адресами от различных волостей и меморандумом на Высочайшее имя⁶³. Основное содержание последнего — всеподданнейший адрес по случаю объявления всеобщей воинской повинности и уничтожения нейтралитета Черного моря. В отношении Прибалтийских губерний в этих адресах содержалась просьба ввести в крае земские учреждения и гласное судопроизводство. Подача прошения ни к чему не привела — латышские крестьяне не добились аудиенции. Эти события получили освещение в русской и немецкой печати. В русской прессе неудачу латышей отметили «Московские

⁵⁶ Московские ведомости. 1870. №59. 18 марта.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Голос». 1870. №63.

⁵⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1870. №91.

⁶⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1870. №203.

⁶¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1870. №221.

⁶² Московские ведомости. 1870. №79. 10 апреля.

⁶³ Некоторые из этих прошений хранятся в архиве Ю.Ф. Самарина. См.: ОР РГБ. Ф. 265. Картон 93. Ед. хран. 4. Лл. 7–9. Собрание документов и статей под названием «Латышский вопрос».

ведомости» и «Голос». Так, Катков объяснял тот факт, что латыши не добились успеха тем, что остзейская партия при дворе помешала делегации встретиться с государем, заботясь об интересах прибалтийского дворянства⁶⁴. Но больше всего редактор «Московских ведомостей» был возмущен реакцией немецкой печати на подачу латышского адреса и его оценку. Так, немецкая («Nordische Presse») писала о том, что адрес латышей — «маневр», результат подкупа, а не выражение истинных чувств⁶⁵. В «Московских ведомостях» осуждаются статьи в этой немецкой газете⁶⁶. Более того, общинный староста Каугерсгофского уезда Лифляндской губернии и один из главных подателей адреса Карл Витол опубликовал в «Московских ведомостях» статью с опровержением сведений, представленных в немецкой прессе, и отмечает, что русские газеты — единственная надежда латышей на возможность отстоять интересы прибалтийских крестьян⁶⁷. Неудача латышей, выразивших интересы крестьянства и сделавших официальную попытку отделить свои интересы от интересов немецкого дворянства, воспринималась особенно остро⁶⁸.

Таким образом, 1870 и начало 1871 года стали важным этапом в обсуждении остзейского вопроса. В ходе войны формируются точки зрения тех печатных изданий, которые принимали участие в обсуждении. Последним этапом обсуждения стал 1871 год, а именно заключение мира между Германией и Францией. В этот период много статей выходит на страницах «Голоса». «Санкт-Петербургские ведомости» почти не участвуют в полемике. Основной темой обсуждения теперь становится заключение мира между Германией и Францией и раздел сфер влияния. На страницах «Московских ведомостей» и «Голоса» Прибалтику теперь все чаще отождествляют с аннексированными Эльзасом и Лотарингией. В эти области теперь, как и в остзейские губернии, насаждают насильно немецкие порядки⁶⁹. Этот же факт отмечается и на страницах «Голоса» при обсуждении вышедшей в Берлине брошюры «Russland und Deutschland», автором которой являлся прусский дипломат⁷⁰. В этом случае сравнение Прибалтики с Эльзасом и Лотарингией исходит от немца. Он признает за Россией в Прибалтике те же права, что и за Германией в Эльзасе и Лотарингии. По сути, брошюра является разделом сфер влияния между Россией и Германией: России предоставляется свобода действий на Черном море, в Турции, в Малой Азии, но на Дунай, в Восточную Европу путь для России закрыт. Автор статьи в «Голосе» сомневается, что отказ Пруссии от притязаний на Прибалтику сведет на нет антагонизм между Германией и Россией. Звучит опасение, что в скором будущем Германия предпримет попытку завести флот на Балтике.

«Голос» призывает поддерживать православное население Прибалтики, особенно после окончания войны, ибо «...это тем более важно, что в настоящую минуту ... следует ожидать наплыва новых германских культуртрегеров, т.к. победы германских войск над французами не особенно способствовали увеличению популярности немцев на Западе»⁷¹. Проблема, в изложении автора статьи, заключается в том, что антинемецкое движение в Европе усилит прилив немцев в Россию, «где им всегда жилось тепло и хорошо». Это новое немецкое нашествие доставит и новые силы немецкой пропаганде и пангерманским настроениям.

«Санкт-Петербургские ведомости», почти не участвуя в полемике, подводят, однако, итоги войне: после заключения Версальского мира выходит прогерманская статья, призывающая к дружбе и союзу с Германией⁷². В отличие от «Голоса» для этой газеты «успешное развитие и рост Германии не представляют для России ничего опасного». Единственным фактором, омрачающим отношения Германии и России, является обсуждение остзейского

⁶⁴ Московские ведомости. 1871. №17. 22 января; №27. 4 февраля.

⁶⁵ Nordische Presse. 1871. №18.

⁶⁶ Московские ведомости. 1871. №52. 10 марта.

⁶⁷ Московские ведомости. 1871. №46. 3 марта.

⁶⁸ См. об этом также: ОР РГБ. Ф. 265. Картон 93. Ед. хран. 4. Лл. 33–40. Гранки статьи для «Московских ведомостей» с правкой Ю.Ф. Самарина.

⁶⁹ Московские ведомости. 1870. №201. 9 сентября.

⁷⁰ Голос. 1871. №56.

⁷¹ Голос. 1871. №66.

⁷² Санкт-Петербургские ведомости. 1871. №52.

вопроса в немецкой печати: немецкой журналистике надо покончить с «этим несчастным остзейским вопросом». Тут «Санкт-Петербургские ведомости» осуждают явное намерение немцев в газетных статьях поддержать остзейское дворянство, особенно теперь, когда Россия и Германия обменялись телеграммами, и глава Германии выразил Российскому императору благодарность за поддержку в войне.

В целом для «Санкт-Петербургских ведомостей» победа Германии является благоприятным событием, которое будет способствовать сближению ее с Россией. Что касается остзейского вопроса, то здесь газета по-прежнему придерживается мнения о том, что эта проблема была искусственно раздута теми, кто «слишком пламенеют национальной нетерпимостью»⁷³.

Период Франко-прусской войны стал новым этапом в обсуждении остзейского вопроса. Со стороны катковской партии на первый план в этот период выходит проблема стремления балтийской немецкой знати к обособлению от России с ориентацией на возвысившуюся Пруссию. Вопрос национальной политики Империи, вопрос о необходимости немедленно обрусить остзейские губернии, становится основным.

Антиостзейское направление в «Московских ведомостях» поддерживают и представители латышской национальной партии. В их статьях звучит протест против бесправного положения латышей и эстонцев в Прибалтике и осуждается очевидная ориентация немцев на Германию во главе с Бисмарком.

Сопrotивление «старорусская партия» встречает в лице «Санкт-Петербургских ведомостей», одной из тех немногих газет, которые поддерживали Германию в войне против Франции. В полемике по остзейскому вопросу ярко выражено соперничество консервативных «Московских ведомостей» М.Н. Каткова и умеренно-либеральных «Санкт-Петербургских ведомостей» В.Ф. Корша.

Франко-прусская война стала своего рода катализатором для оживления споров вокруг Прибалтийского края, привлекая через статьи русских газет внимание российской общественности. Балтийская немецкая пресса, в свою очередь, обратила внимание Германии на положение дел в Остзейском крае. Попытки прусских и германских газет обсуждать вопросы внутренней политики России были резко раздражены встречены катковской партией. Это еще более оттолкнуло консервативную часть общества от балтийских провинций и стало причиной новой волны критики в адрес остзейской системы.

Все это в будущем воплотилось в отходе царской политики от либерализма 1860-х годов и к попыткам русификации Прибалтийских губерний, прежде всего в отношении немецкого населения, предпринятым Александром III.

Summary

The article looks at the main point and dynamics of the Baltic Question during late 1860s — 1871, represents different points of view on this problem expressed in the Russian, Baltic German and Baltic national press and also the governmental position.

Author concentrates the special attention on the Franco-Prussian War as an external factor which had a great influence not only on the public opinion towards the Baltic German nobility and the Latvians and Estonians but also the trends of the official imperial policy on these borderlands in this period.

⁷³ Санкт-Петербургские ведомости. 1871. №52.